

Это тоже своего рода судьба, их судьба.

Когда тетушка Цуй упала в воду, он тоже случайно оказался рядом и упал следом. Она спасла его, но у него не хватило сил выбраться на берег, и тогда его отец спас её. И прежде чем поползли неприятные слухи, отец поспешил заслать сватов к той, кто была ему симпатична и кто спасла его сына. Можно сказать, это стало началом прекрасной истории.

Иначе, согласно первоначальному сюжету, после разорения семьи Линь и смерти Линь Далана, Шэнь Цуйнин, попав в ловушку, подстроенную недоброжелателями, упала бы в воду. Её репутация была бы погублена, она не захотела бы выходить замуж за того, кто устроил эту подставу, а узнав о беде семьи Линь, попыталась бы отомстить. Хотя успеха бы не добились и в итоге бросилась бы в реку, последовав за любимым в смерть.

До самой кончины Линь Далан так и не узнал бы, что была на свете такая замечательная женщина, которая беззаветно любила его, из-за него влачила жалкое существование в кварталах красных фонарей, претерпевая невыносимые муки, и в конечном счете хотела лишь погубить себя вместе с врагами ради мести. Просто до слез обидно. Хорошо, что ничего этого не случилось, и сейчас оба они так счастливы. Появился ребенок, появилась надежда, ведь добрые люди должны получать доброе воздаяние.

Шэнь Цуйнин мягко спросила:

— Лили, с чего ты взял, что я ношу под сердцем братика, а не сестренку? Как было бы здорово, если бы родилась девочка, такая же милая, как ты. Разве ты не хочешь сестренку?

Янь Цзюли задрал голову и по-детски рассмеялся:

— Я буду рад и братику, и сестренке, но просто чувствую, что у тетушки Цуй будет мальчик!

Шутка ли, я ведь Бессмертный, неужели я не знаю, кто у тебя родится? К тому же, если ты так быстро забеременела, это ведь я тебе помог.

Так, когда придет время уходить, в поместье уже появится новая жизнь. Вы будете заняты заботой о малыше и у вас не останется времени грустить из-за моего ухода. А когда братик подрастет, у семьи Линь появится наследник, и будет кому о вас позаботиться.

При мысли об этом у Янь Цзюли защемило в груди. Он изо всех сил сдержался, чтобы глаза не покраснели, и постарался улыбнуться. Хотя они провели вместе не так много времени, чувства стали глубокими, и расставаться было нелегко. Неудивительно, что столько Бессмертных любят спускаться в мир людей — жизнь здесь и правда такая шумная и яркая.

Вэй Миньюань всегда был чуток к настроению Янь Цзюли. Видя, как дядя Линь и тетушка Цуй обсуждают будущего ребенка, он обеспокоенно спросил:

— А-Ли, что с тобой? Почему ты не радуешься? Это из-за маленького братика?

Взгляд Вэй Миньюаня упал на живот Шэнь Цуйнин. Если А-Ли не рад, то...

Янь Цзюли вздрогнул, заметив беспокойство Вэй Миньюаня, но быстро взял себя в руки. Свои

чувства он мог скрыть от кого угодно, но только не от А-Юаня. Он приободрился и тихо ответил:

— А-Юань, я в порядке. Просто подумал, что мир людей такой шумный и живой: каждое мгновение кто-то рождается, кто-то уходит... Немного грустно.

Вэй Миньюань не знал, почему Янь Цзюли заговорил о расставании, но это не помешало ему выразить свою верность:

— А-Ли, не грусти. Я всегда буду с тобой. Куда ты — туда и я, я никогда тебя не оставлю.

Янь Цзюли посмотрел на Вэй Миньюаня и внезапно почувствовал облегчение. И правда, как бы ни менялся мир, как бы ни текло время, А-Юань никогда не изменится. Как он, Высший бессмертный, мог этого не понимать?

— Да, мы всегда будем вместе.

Услышав слово будущее, Вэй Миньюань почувствовал беспричинную тревогу. Он постарался сохранить спокойствие и странно спросил:

— Не только в будущем, мы всегда будем вместе, правда, А-Ли?

Словно желая успокоить самого себя, он посмотрел на Янь Цзюли и утвердительно кивнул.

Янь Цзюли, глядя в растерянные глаза Вэй Миньюаня, смягчился. А-Юань всегда так неуверен в себе, словно я какой-то негодяй. Погодите! Негодяй? Не может быть! Я правда не негодяй, верно?

Внутренне он принялся неистово допрашивать Систему 11, а вслух не забыл успокоить Вэй Миньюаня:

— Не волнуйся, А-Юань, конечно.

В то же время в Море сознания он схватил маленького человечка-Систему за шиворот и потребовал:

— 11, отвечай честно, есть ли на мне какие-нибудь любовные долги?

11, придерживая свое едва не развалившееся тельце, с трудом проговорил:

— Хозяин, согласно анализу, вроде бы нет.

— Вроде бы?! — громко воскликнул Янь Цзюли. — Что значит вроде бы? Почему так неуверенно? Зачем ты мне тогда нужен?

Все пропало! Если 11 так не уверен, вдруг я и правда какой-то скрытый негодяй? Не может быть! Я, Высший бессмертный, в свои восемнадцать лет — как свежий цветок, с самого рождения вел себя достойно, хранил чистоту, не путался ни с кем... Ну, с мужчинами тоже не путался, конечно! Внезапно узнать, что ты можешь быть тайным сердцеедом, обремененным

любовными долгами — это же как гром среди ясного неба! В его Море сознания даже голос от волнения сорвался.

— ?! — Система 11, испугавшись, что его разберут на запчасти, поспешно начала предлагать варианты. Прислушавшись, можно было заметить, что в обычно сухом механическом голосе проскользнули заискивающие нотки:

— Хозяин, вы же древний небожитель, разве может такой простой магический артефакт, как я, провести полный анализ? Даже если вы спросите Лунного бога в Божественном царстве, он тоже не сможет проверить.

Помолчав, механический голос в Море сознания продолжил убеждать:

— К тому же, неважно, есть долги или нет, объект для заботы у вас только один. В любом случае вы пришли, чтобы делать ему добро. Если задолжали — считайте, что искупаете, а если нет — так это же просто замечательно!

Янь Цзюли задумался и решил, что Система права. В конце концов, теперь, когда есть он, в жизни А-Юаня будут только радости. Подумав об этом, Янь Цзюли крепко взял Вэй Миньюаня за руку:

— А-Юань, я буду хорошо к тебе относиться, очень хорошо, поверь мне.

Вэй Миньюань с улыбкой смотрел на Янь Цзюли, который держал его за руку и кивал головой. Хотя он не понимал, почему разговор так резко сменил тему, на душе у него потеплело. Он сжал ладонь Янь Цзюли в ответ и кивнул:

— Я верю тебе. И я тоже буду... — очень, очень хорошо к тебе относиться.

Время летело, как челнок на ткацком станке. В мгновение ока прошел год. Шэнь Цуйнин, как и предсказывал Янь Цзюли своим детским лепетом, родила братика. Мальчика назвали Линь Ань, что означало — оберегать дом и приумножать дело, жить в мире и спокойствии. В этом имени заключалось желание Линь Далана, чтобы сын защищал Янь Цзюли и семейное дело. А Янь Цзюли просто хотел, чтобы малыш рос в безопасности.

— Скорее, скорее, А-Юань! Почему ты такой медленный? Давай быстрее, мы идем к братику! — маленький юноша, бежавший впереди, то и дело подгонял шедшего следом подростка с уверенной походкой.

Вэй Миньюань, неся в руках сладости, с досадой сделал два широких шага и поравнялся со своим маленьким предком. Он хотел было поднять руку и потрепать Янь Цзюли по голове, чтобы успокоить, но обе руки были заняты: в одной сладости, в другой — сумка маленького господина. Пришлось ограничиться тихим утешением:

— Не волнуйся, мы успеем.

Можно ли назвать это наказанием за собственную прихоть? Из-за своей чрезмерной собственнической натуры он не мог вынести, если кто-то другой проявлял заботу о Янь Цзюли. У него были слуги, но он предпочитал делать всё сам, находя в этой усталости своеобразное удовольствие.

Янь Цзюли переложил всю вину за спешку на подростка, который его баловал, и ни словом не обмолвился, что они так задержались лишь потому, что после занятий в школе он сам захотел сладостей и настоял, чтобы Вэй Миньюань отвел его в лавку за два квартала от школы.

Кто же знал, что когда они придут, занятия в школе как раз закончатся, и рабочие, вернувшись со смены, захотят купить лакомств своим детям, чтобы вознаградить их за усердную учебу.

Ого, очередь была просто огромной! Золотой мальчик нахмурился, глядя на толпу, и заколебался. В итоге тринадцатилетний Вэй Миньюань, высокий и длинноногий, пробился вперед и, применив силу, добыл порцию сладостей, только чтобы увидеть сияющую улыбку своего маленького господина.

Маленький господин зажмурился от удовольствия и, получив желаемое, начал капризничать:

— Это не я хотел есть, это я купил для братика!

При этом обе его щеки были набиты так, что он походил на бурундука, делающего запасы на зиму.

Вэй Миньюань покладисто поддакнул:

— Конечно, конечно, для Линь Аня. Это не наш маленький господин захотел поесть.

Он с иронией смотрел на своего господина, даже не пытаясь разоблачить его: маленький Линь Ань все еще пил молоко, какие уж там сладости, он даже каши не мог проглотить ни ложки.

Линь Ань, который все еще был на грудном вскармливании, сказал бы: не спрашивайте, спросите — отвечу: мой брат посмеет накормить, я посмею съесть.

Да и правда, едва родившись, он плакал при виде всех, но стоило ему увидеть брата, как он тут же улыбался, обнажая беззубые десны. А когда брат говорил: А-Юань, какой он уродливый, как обезьянка, весь сморщенный, — крошечный младенец словно понимал всё, замирал, а потом заливался громким плачем. Никто не мог его успокоить — маленькое сердце получило большую травму.

Янь Цзюли был ошарашен: как быстро меняется лицо! Он в шоке посмотрел на Вэй Миньюаня и неуверенно спросил:

— А-Юань, он ведь только что улыбался, да?

Вэй Миньюань с трудом сдержал смех и ответил:

— Да, а от твоего слова он снова заплакал. Наш А-Ли такой талантливый.

И это он еще хвалит? Ну ты даешь! Янь Цзюли закатил глаза так, что чуть не увидел затылок. В конце концов, не выдержав, он подошел и сказал:

— Братик, не плачь, от слез ты станешь еще уродливее.

Как только эти слова сорвались с его губ, плач стал еще громче.

<http://bllate.org/book/21553/2217274>